

*Мандрик Марія
(Санкт-Петербург)*

**К ВОПРОСУ О ПОСЛЕДСТВИЯХ БОРЬБЫ
С КОСМОПОЛИТИЗМОМ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
конца 1940-х – начала 1950-х гг.**

Борьба с космополитизмом до сих пор остается далеко неизученной страницей нашей недавней истории. Не определена мотивация борьбы с космополитизмом: выдвигаются версии от паранойи И.В. Сталина и борьбы между собой старых и новых функционеров от науки и искусства до начала холодной войны и, как следствия, отрицания всего «западного»¹. Не названо имя главного идеолога гонений конца 40-гг. XX в. на творческую и научную интеллигенцию: одни основным организатором развязывания этой кампании считают И.В. Сталина, другие – М.А. Сулова, третьи – А.А. Жданова. Еще только предстоит изучить последствия борьбы с космополитизмом и их влияние на развитие советской исторической науки, какими путями она могла пойти, если бы миновала огульную критику западной историографии и философии.

В исторической науке среди главных «виновников» в насаждении космополитизма и объективизма был назван Николай Леонидович Рубинштейн, чье имя звучало почти на всех судилищах и было пропечатано во всех крупных исторических журналах и газетах. Его исследование – «Русская историография» – совершило в начале 40-х гг. настоящий переворот в советской исторической науке и несколько раз выдвигалось на Сталинскую премию, но после 1947 г. оказалось «рассадником космополитизма» и было полностью дискредитировано. И если до середины 1940-х годов историография находилась на положении элитной дисциплины, рассуждать о которой могли в основном маститые ученые, то в ходе кампании борьбы с космополитизмом в ее сторону бросали камни даже «ленивые».

После Приказа Министра Высшего образования СССР за номером 883 от 19 июня 1948 г. «О книге Н.Л. Рубинштейна «Русская историография»», монография официально была признана несоответствующей для использования в советских учебных заведениях. Поэтому, «в целях коренного улучшения качества научно-исследовательской работы в области историографии» в означенном документе приказывалось утвердить к изданию в 1950 г. учебник «Русская историография», объемом в 40 печатных листов, с авторским коллективом в составе М.Н. Тихомирова, Н.Л. Рубинштейна и С.С. Дмитриева (Московский университет), С.Б. Окуня (Ленинградский университет), В.Е. Иллерицкого (Историко-архивный институт). Историки должны были представить рукопись учебника в отредактированном виде в Госполитиздат уже к 1 июля 1949 г., в то время как кафедра истории СССР Московского Государственного университета должна была составить к 1 августа 1948 г. программу по курсу русской историографии².

После такого официального «разгрома» включение опального историка в список авторов будущего учебника кажется весьма нелогичным. Не совсем остается ясным какой учебник можно создать за 1,5 года, да еще такого же объема, как уже опубликованная «Русская историография», которую Н.Л. Рубинштейн писал более 10 лет. Не подразумевал

ли этот приказ доработку этой монографии в духе новых веяний партии? Утверждение учебника в 1950 г. не состоялось. Однако неофициальное участие Н.Л. Рубинштейна в написании последующих опубликованных программ для ВУЗов по курсу русской историографии прослеживается по архивным документам.

В фонде Н.Л. Рубинштейна в Научно-исследовательском Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (далее – НИОР РГБ) хранятся несколько вариантов новых программ курсов по русской историографии. Две из них опубликованные – 1949 г. (под редакцией Н.С. Шевцова и А.П. Вотинова) и 1953 г. (составитель: кафедра истории СССР Московского государственного историко-архивного института, под редакцией В.Е. Иллерицкого), две – неавторизованные (машинописные), с правками двух или даже трех анонимов (в том числе, судя по почерку, и Н.Л. Рубинштейна) и 3 варианта более развернутых машинописных вариантов программ, принадлежащих Н.Л. Рубинштейну (1947–1953 гг.). Ни на одной опубликованной программе имя Н.Л. Рубинштейна не значилось, но наличие машинописных вариантов позволяет предположить, что: историограф принимал участие в их составлении или авторы обеих программ были знакомы с его наработками.

Примечательно, что «Программа» 1949 г. начинается не Введением, а «Объяснительной запиской», в которой значится: «Курс русской историографии... должен вооружить историка критическим отношением к историографическому наследству прошлого. Задачи курса не могут быть сведены только к характеристике последовательного роста исторических знаний, расширения проблематики и углубления понимания отдельных сторон исторического процесса. Они должны состоять, прежде всего, в выявлении классовой сущности, методологической прочности реакционных и ограниченности прогрессивных историографических направлений, школ и теорий в домарксистской историографии. Курс должен показать, что история превратилась в подлинную науку только в марксистско-ленинской историографии, вооруженной теорией исторического материализма, впервые раскрывшей действительные законы исторического развития и осуществившее этим революцию в исторической науке»³. Сохранившейся в фонде машинописный вариант на 4 листах с оборотом (листы 28–31)), по всей видимости, являлся проспектом Н.Л. Рубинштейна, написанным для Программы 1949 г., так же как и вариант на листах 32–45. Они не датированы, но список литературы включает работы до 1948 г., и тексты во многом идентичны с «Программой» 1949 г. В них историограф так же вместо стандартного «Введения» использовал словосочетание – «Объяснительная записка», которое он по названию и содержанию заимствовал из своей же «Программы» 1947 г. Сравнение его «записок» с опубликованным вступлением позволяет говорить об изменении историографической тематики в сторону ужесточения общего курса: «Задачи курса – показать пути развития русской исторической науки в развитии: 1) теоретических основ 2) методологии научного их изучения 3) исторической проблематики и конкретного исторического знания. Курс историографии должен вооружить историка к критическому освоению историографического наследства – к освоению его позитивных достижений и в то же время к преодолению его теоретической и методологической порочности на основе исторического материализма. Курс историографии должен показать определяющее творческое значение марксистско-ленинской исторической науки»⁴. В этой «записке» Н.Л. Рубинштейн снова, несмотря на то, что за это на официальном уровне уже досталось философу Г.Ф. Александрову (в выступлении А.А. Жданова 24 июня 1947 г.), писал, что «рассмотрение историографии за каждый период ведется по крупнейшим историкам и историческим школам»⁵. В «Программе» 1949 г. эта фраза была уже предусмотрительно опущена. По сравнению с формулировками начала 40-х годов уже к концу десятилетия в

работах исчезает мягкость и обтекаемость формулировок, появляются чеканные фразы и тон, нетерпящий «примиренчества». Теперь будущих историков не «вводили в курс историографии», а «объясняли» что и как писать.

Период летописания в «Программах» описан разными словами, но близко по смыслу. Значительная часть «Программы» 1949 г., касающаяся историков XVIII в., мало чем отличается от текстов Н.Л. Рубинштейна 1947 и 1949 гг. (что только подтверждает предположение о его участии в составлении). Текст передается почти слово в слово, изменен только конец, так как в свете новых веяний полностью игнорировалось наследие и значение А.-Л. Шлёцера⁶. Взглядам М.М. Щербатова придали более выраженный идеологический характер, если у Н.Л. Рубинштейна читаем: «Научная основа и эволюция исторических взглядов Щербатова», то в «Программе» 1949 г. – «Эволюция политических и исторических взглядов Щербатова в связи с углублением классовой борьбы в стране»⁷; В.Н. Татищеву отказали в авторстве «первой национальной истории России»⁸; из опубликованной «Программы» исчезло какое-либо упоминание об И.-Ф.-Г. Эверсе, не оставили даже скупые строки, которые посвятил ему Н.Л. Рубинштейн: «Эверс и критическое изучение "Русской Правды", "Древнейшее право руссов"»⁹. При изучении текста «Программы» 1949 г., Н.Л. Рубинштейн не отметил этих изменений, хотя и оставил несколько заметок на полях. В частности, в абзаце о М.В. Ломоносове, при упоминании его борьбы с немцами в Академии наук – «Байером, Шлецером, Миллером», Н.Л. Рубинштейн переставил последних историков местами, т. к. они были поставлены не в хронологическом порядке¹⁰ (в «Программе» 1953 г. этот недочет был уже исправлен. Следует учитывать, что в обоих печатных вариантах «Программ» это было единственным упоминанием этой плеяды историков!). Для ученого, который считался до 1948 г. одним из лучших специалистов-историографов, эта часть историографического обзора написана несколько скомкано и неопределенно. Объясняется это, возможно, тем, что уже звучали антизападные высказывания, а в «Русской историографии» Н. Л. Рубинштейн особо выделил значение работ немецких представителей нарождающейся российской науки, что было даже указано среди ошибок в Приказе Министра Высшего образования. Историк не смог до конца решить возникшую дилемму – придерживаться исторической истины (как он ее понимал) или идти в ногу с изменяющейся идеологией. Он пошел по пути наименьшего сопротивления – значительно урезал материал.

При дальнейшем сравнении вариантов историографа и его коллег все более четко прослеживается привязка историографических концепций к «формационным процессам». Например, если у Н.Л. Рубинштейна «Раздел II» озаглавлен почти как в его «Русской историографии»¹¹ – «Преобразование знания в науку: историческая мысль XVIII в.»¹², то в «Программе» 1949 г. он назван уже с явной привязкой к экономическим процессам – «Развитие дворянской историографии периода крепостничества и вызревания капиталистических отношений в России в XVIII в. Исторические взгляды русских просветителей»¹³. Эти изменения отмечались и Н.Л. Рубинштейном, который в тексте подчеркивал смущающие его формулировки: «Буржуазные революции в конце XVIII и первой половине XIX в. в Западной Европе и Россия» или «Возникновение революционного понимания истории»¹⁴ – историк поставил знак вопроса напротив этого названия.

Касаясь персоналий XIX в. составители «Программы» 1949 г. также внесли изменения в текст Н.Л. Рубинштейна. Н.М. Карамзин охарактеризован как «представитель реакционной дворянской историографии», в исторических взглядах декабристов подмечен «интерес к революционным периодам во всеобщей истории»¹⁵. М.Т. Каченовский и скептическая школа тоже оказались под прицелом критики, так как давали «извращенную

оценку» древнего периода в истории России «как баснословного»¹⁶ (это же переключало и в «Программу» 1953 г., с небольшим, но весьма примечательным добавлением: «Космополитические установки Каченовского в истолковании древнерусских исторических памятников»¹⁷). В подразделе «Развитие буржуазной историографии в России» читаем: «Черты космополитизма в исторических воззрениях Соловьева»¹⁸, «Борьба Белинского с антинародными теориями славянофилов и буржуазных космополитов»¹⁹ или ««Западничество» 40–50-х годов, его либерально-буржуазная природа. Черты космополитизма и преклонение перед иностранщиной в идеологии «западничества»»²⁰. Подчеркнул слово «космополитизм» Н.Л. Рубинштейн, для которого оно явно диссонировало с эпохой, о которой шла речь. Но введение идеологических мотивов оказалось недостаточным, и уже в «Программе» 1953 г. историку было нечего подчеркивать – абзац о славянофилах и западниках был полностью изъят, этим направлениям на тот момент отказали в праве на место в советской историографии. Об историке К.Д. Кавелине авторы данной «Программы» отзывались словами В.И. Ленина, как об «отвратительнейшем типе либерального хамства»²¹. С другой стороны, стоит отдать должное ее составителям – наследие С.М. Соловьева получило в ней более взвешенную оценку.

Наглядной иллюстрацией «изменения» взглядов служит и характеристика историографии конца XIX – начала XX в. «Программа» 1949 г. пишет о «кадетском направлении в буржуазной историографии, его политических и методологических позициях», выделяя А.С. Лаппо-Данилевского и А.А. Киззевetra. Далее отдельно выделяется П. Н. Миллюков, хотя о нем и писали как о лидере кадетов и идеологе русской империалистической буржуазии²². Последнее определение вызвало недоумение Н.Л. Рубинштейна: на полях он поставил вопросительный знак. В трудах П.Н. Миллюкова, которые являлись «завершением государственной схемы русской истории на основе позитивизма», отмечался «эклектизм (подчеркнуто Н.Л. Рубинштейном. – М.М.) исторической концепции», с чем Н.Л. Рубинштейн также был не согласен²³. В воззрениях историка-эмигранта советские ученые конца 40-х гг. обнаружили «реакционную оценку петровских реформ», «извращение... истории русской культуры и общественной мысли. Космополитизм и преклонение перед иностранщиной в исторических воззрениях»²⁴. Далее, напротив абзаца «Специальное историческое изучение в буржуазной историографии эпохи империализма. А) источниковедческое направление – Шахматов. Исследования Дьяконова, Преснякова, Платонова и Любавского, посвященные отдельным проблемам русской истории...» Н.Л. Рубинштейн карандашом написал: «а где вся школа Ключевского?»²⁵ У этих историков потомки отмечали «их частные достижения и порочность методологии» и в «Программе» 1953 г.²⁶

К сожалению, Н.Л. Рубинштейну не удалось долго противостоять натиску идеологических постулатов. Их разрушительное действие заметно уже в курсе «Русской историографии», датированном самим историком 15 декабря 1952 г. И если в «Программе» 1949 г. историографы удивляли неоправданные оценки творчества того или иного историка, то уже в своем новом курсе он сам давал характеристики, которые ранее считал крамольными: «Кризис и теоретическое банкротство буржуазной исторической науки в эпоху империализма. Мистико-идеалистическая методология буржуазно-кадетской историографии... Миллюков – типичный представитель реакционной буржуазно-исторической науки... Извращение истории общественной мысли и общественного движения... Миллюков – злейший враг марксизма-ленинизма... Кадетская историография – центр сплочения антимарксистских сил в исторической науке»²⁷. Не изменилась трактовка П.Н. Миллюкова и в «Программе» 1953 г., где были повторены те же

характеристики его научного наследия: «... злейший враг Советского Союза. Работы Милокова – источник фальсификации истории России представителями реакционной буржуазной историографии США, Англии и других капиталистических стран»²⁸.

Единственным положительным моментом новых «Программ по курсу Русская историография» (странно, что уже в то время определение «русская» не заменили на «советская») было введение в сферу изучения историков других специальностей – медиевистов, античников, византинистов и т. д.²⁹, которые специально не были включены Н.Л. Рубинштейном в его монографию, так как, по мнению ученого, выходили за понятие «русская» историография. Однако все упомянутые в «Программах» историки значились без инициалов и их творческие заслуги удостоились пары скупых фраз. Появились на страницах «Программ» и современные историки, которые хронологически остались за рамками «Русской историографии», изданной Н.Л. Рубинштейном в 1941 г. Правда, имена М.М. Богословского, Ю.В. Готье и других представителей школы В.О. Ключевского потерялись уже в варианте Н.Л. Рубинштейна 1947 г. и так и не появились в «Программах» 1949 и 1953 гг.

Появление имен современников также не прошло без критики. Так на 23 странице «Программы 1949 г.» значилось: «Разоблачение партийной и советской печатью не преодоленных влияний буржуазной историографии, буржуазного объективизма, преклонений перед иностранщиной и ошибок космополитического характера в работах отдельных историков СССР (Н.Л. Рубинштейна, С.Б. Веселовского, А.И. Андреева)... Ошибки космополитического характера и проявление национального нигилизма в работах И.И. Минца, И.М. Разгона и др.»³⁰ В 1953 г. список обвиняемых несколько сократился: «Разоблачение в партийной печати ошибок и извращений в работах отдельных советских историков: по вопросам истории советского общества (И.И. Минца, И.М. Разгона), по вопросам историографии (Н.Л. Рубинштейна)»³¹. Статус единственного непререкаемого историка за эти годы также претерпел принципиальные изменения: в «Программе» 1949 г. «Сталин – гениальный продолжатель дела Ленина»³², в 1953 г. он уже «великий продолжатель»³³, в то время как Н.Л. Рубинштейн в программе в 1947 г. определял его всего лишь как «славного соратника Ленина»³⁴.

В рамках данной статьи нет возможности остановиться подробно на всех нововведениях, появившихся в курсах по историографии после кампании, направленной на искоренение космополитизма и объективизма. Без сомнения, принижение значения и достоинств монографии Н.Л. Рубинштейна «Русская историография» и ее нарочитая критика повлекли за собой плачевные последствия для советской (и, прежде всего, русской) историографии: вместо прорыва – регресс. Историк настолько высоко поднял планку, что ее и при благополучном стечении политической и научной (что в описываемый период было почти синонимично) жизни было нелегко удержать на должном уровне, а при сложившейся ситуации оказалось просто невозможно. На основании сравнения приведенных выше документов можно сделать вывод, что с конца 40-х гг. и до 1953 г. проводился курс на изменение формулировок, которые все больше приобретали «реакционный оттенок», а определения историографических периодов четко привязывались к политико-экономическим процессам в государстве с точки зрения классового подхода. На эти изменения, без сомнения, повлияла борьба с «пресловутым космополитизмом».

Об уровне исторической науки того времени ёмко высказался коллега Н.Л. Рубинштейна – В.В. Мавродин, и, несмотря на то, что эти слова прозвучали в годы войны, они полностью отражали положение конца 40-х – начала 50-х гг.: «... что касается затронутых Вами вопросов о состоянии нашей исторической науки, то... мне кажется, что

у нас наблюдается, я бы прямо сказал, измельчение. Некоторые проблемы ставятся как-то шиворот на выворот, все слишком конъюнктурно, преходяще. «Исторический журнал» страдает дистрофией III степени и скучен, как ожидание поезда»³⁵. Академик С.О. Шмидт также считает, что преследование книги Н.Л. Рубинштейна нанесло значительный урон и привело к снижению научно-теоретического уровня. Оно пагубно отразилось и на «Очерках истории исторической науки в СССР», и на последующих учебных пособиях³⁶.

Для Н.Л. Рубинштейна гонения также не прошли без последствий: подорванное здоровье и вынужденное прекращение изучения историографических вопросов. Вынудили его изменить и место работы: уволенный из Московского университета историк был переведен в Московский библиотечный институт, где и проработал с 1949 по 1957 гг. в должности профессора кафедры истории СССР³⁷. Однако моральный урон, нанесенный несправедливой и огульной критикой, ни с чем соизмерить нельзя. Читать письмо Н.Л. Рубинштейна, адресованное Министру Высшего образования СССР С.В. Кафанову, невозможно без внутреннего содрогания: что должен был чувствовать Ученый, когда признавал за собой несуществующие ошибки и отступал от научной истины, поиску которой он посвятил всю свою жизнь?! Неизвестно, отправил ли Н.Л. Рубинштейн это письмо. Оно не датировано, но написано после его увольнения, возможно в апреле 1949 г.: «Ученый совет Исторического факультета Московского университета 28 марта вынес постановление об освобождении от работы ряда профессоров факультета и в их числе меня «за антипатриотическую деятельность враждебную развитию советской исторической науки». Я решительно отвожу о себя такое обвинение, так как я всегда ставил себе одну цель, одну задачу – отдать все свои силы и знания нашей Советской Родине, делу советской науки и воспитанию советской молодежи. Я допустил в своей научной работе грубейшие ошибки космополитического порядка. Я полностью сознаю серьезность этих ошибок и имею одно желание – приложить все силы к их исправлению, дать настоящие Марксистско-ленинские труды, нужные нашему народу, участвовать в общей борьбе с вражеской нам космополитической идеологией вместе со всем коллективом советских ученых.

Я знаю, что ошибки космополитического порядка очень резко сказались в моей книге «Русская историография» (1941 г.). Взяв на себя слишком большую задачу, посильную лишь целому научному коллективу, – создать советской курс русской историографии, я не сумел преодолеть в своей книге старые утверждения буржуазной историографии, о роли западно-европейских философско-исторических влияний в развитии русской науки и специально о роли немецких ученых в русской исторической науке XVIII и начале XIX в. Я не сумел показать передовое значение русской науки в развитии мировой науки, тем более, что я не дал в своей книге советского периода русской историографии. В результате, те отдельные положения, которые были направлены на раскрытие исторических классовых корней в развитии русской науки, попытки по-новому подойти к отдельным русским историкам не могли исправить порочность общей линии моей книги. Суровая критика, которой книга подверглась только в марте 1948 г. на Всесоюзном совещании историков, помогла мне понять всю серьезность моих ошибок. Последние события и последние партийные документы до конца раскрыли передо мной их политическое значение»³⁸.

К сожалению, вынужденное «понимание» Н.Л. Рубинштейном «серьезности ошибок» привело его к отказу от продолжения изучения историографической проблематики. Попытки идти «в ногу со временем» противоречили его научным принципам, и он решил не ломать себя, а перестать заниматься историографией. Он не успел создать свою историографическую школу, и это, без преувеличения, отбросило развитие советской

исторической науки на несколько десятилетий назад. Только в 90-е гг. интерес к историографии возрос, и стали появляться работы, написанные на высоком методологическом уровне, соответствующем «Русской историографии».

¹ Смотри об это подробнее: *Мандрик М.В.* Николай Леонидович Рубинштейн: очерк жизни и творчества // Рубинштейн Н.Л. Русская историография. – СПб., 2008. – С. LXVIII–LXXI.

² НИОР РГБ. – Ф. 521. – К. 1. – Д. 11. – Л. 2.

³ Там же. – К. 7. – Д. 2. – Л. 16 (С. 3 – в типогр.экз.).

⁴ Там же. – Л. 49. – Если же эту «Записку» историка сравнить с его введением к «Русской историографии», то разница в подаче материала и тоне, разительная: «Теория марксизма-ленинизма определяет и пути историографического изучения... Марксистская историография раскрывает, прежде всего, действительную историческую закономерность развития исторического познания в его внутреннем единстве и реальной обусловленности. Когда Ф. Энгельс говорит о связи исторической науки с философией и практикой, то это означает, что история является частью идеологии и как вся идеология определяется в своем развитии действительным развитием самой исторической жизни. Поэтому марксистская историография изучает развитие исторической науки в связи с развитием общественных отношений, в общем развитии исторического процесса...» (*Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. – М., 1941. – С.8).

⁵ НИОР РГБ. – Ф. 521. – К. 7. – Д. 2. – Л. 49. – Подобное расположение считалось данью «академическому, профессорскому “направлению”» (*Жданов А.А.* Выступление на дискуссии по книге Г. Ф. Александрова... – С. 20).

⁶ При этом историограф уделил немецкому специалисту всего несколько строк: «Шлёцер. Его националистический подход к изучению истории России. Изучение начальной русской летописи. Постановка задач “высшей критики”» (НИОР РГБ. – Ф. 521. – К. 7. – Д. 2. – Л. 33).

⁷ Там же. – Л. 33; Л. 18 об. (с. 6).

⁸ Там же. – Л. 33об.

⁹ Там же. – Л. 35.

¹⁰ Там же. – Л. 18 об. (С. 6).

¹¹ «Русская историческая наука в XVIII в. Превращение исторического знания в науку».

¹² НИОР РГБ. – Ф. 521. – К. 7. – Д. 2. – Л. 49.

¹³ Там же. – Л. 18 (С. 5). – Однако историку под явным давлением внешним обстоятельств со временем тоже пришлось прибегнуть к более четкой формулировке. В машинописной «Программе», датированной Н.Л. Рубинштейном декабром 1952 г. «Раздел II» назван уже «Русская историческая наука в период кризиса крепостнического строя и победы поднимающегося капитализма (первая половина XIX в.)» (Там же. – Л. 92 об.).

¹⁴ Там же. – Л. 19 (с. 7).

¹⁵ Там же. – Л. 19 об. (с. 8).

¹⁶ Там же. – Л. 20 (с. 9).

¹⁷ Там же. – Л. 5 об. (с. 10).

¹⁸ Там же. – Л. 20 об. (с. 10).

¹⁹ Там же. – Л. 21 (с. 11).

²⁰ Там же. – Л. 20 об. (с. 10).

²¹ Там же. – Л. 6 (с. 11).

²² Там же. – Л. 24 (с. 17).

²³ Там же.

²⁴ Там же. – Л. 24 об. (с. 18).

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. – Л. 9 об. (с. 18)

²⁷ Там же. – Л. 95.

²⁸ Там же. – Л. 9 об. (с. 18).

²⁹ Там же. – Л. 23 об., 25 (с. 16, 19).

³⁰ Там же. – Л. 27 (с. 23).

³¹ Там же. – Л. 12 (с. 23).

³² Там же. – Л. 25 (с. 19).

³³ Там же. – Л. 10 об. (с. 20).

³⁴ Там же. – Л. 52.

³⁵ Там же. – К. 26. – Д. 23. – Л. 12 об.

³⁶ *Шмидт С.О.* Судьба историка Н.Л. Рубинштейна // Археографический ежегодник за 1998 год. – М., 1999. – С. 227.

³⁷ НИОР РГБ. – Ф. 521. – К. 1. – Д. 11. – Л. 4–5.

³⁸ Там же. – К. 1. – Д. 12. – Л. 9–9об.